

Мира Володина

СЕВЕРНЫЙ ПЛЕН
ВОЛЧИЦА КОНУНІА

18+

Мира Володина

Северный плен. Волчица конунга.

«Автор»

2026

Володина М.

Северный плен. Волчица конунга. / М. Володина — «Автор»,
2026

«Ты боишься не меня, — сказал он тихо. — Ты боишься, что я могу быть не чудовищем. Бойся этого, рабыня. Потому что это страшнее». Славянская земля Гардарика горит. Её дочь, Милана, становится рабыней конунга Бьорна Железного Бока — человека, убившего её отца. Она ненавидит его. Он презирает её. Но когда первая жена-сеид насылает проклятие, а дядя-предатель поднимает мятеж, рабыня и конунг оказываются на одной стороне. Между цепями и поцелуями, между кровью и снегом рождается любовь, которой не нужны слова. Только выбор. Только жизнь. Только вдвоём.

© Володина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Глаза, достойные меча	5
Глава 2. Фьорд, полный змей	10
Глава 3. Прикосновение господина	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мира Володина

Северный плен. Волчица конунга.

Глава 1. Глаза, достойные меча

Часть первая. Кровь и мёд

Дым жёг глаза, когда «Морской Змей» — тридцативесельный драккар с вырезанным на носу волком — ткнулся носом в илистый берег земли, которую мои люди звали Гардарикой.

Ледяная вода обожгла ноги, снег заскрипел под подошвами. Я спрыгнул в воду по пояс. Рядом захрустели вёсла — моя свора вываливалась на славянский берег, как голодные псы из клетки. Крики. Первая деревня за холмом уже горела, но мне было плевать на добычу.

В груди клокотала ярость — тупая, тяжёлая, как камень на шее утопленника.

Сигурд. Дядя. Красивый, скользкий ублюдок с улыбкой, которая не доходила до глаз. Его удар ты не видишь, пока нож не вошёл между рёбер. Мой лучший воин, Торкель Смеющийся — предал. Не в честном бою. Грязнее. Сигурд заплатил ему, чтобы его любовница подсыпала мне в мёд сонного корня. Той ночью меня вырвало прямо на скамью, и если бы не служанка, что закричала вовремя — я бы спал вечным сном, а Сигурд уже правил бы фьордом.

Торкель повешен на воротах. Бабу его скормили свиньям.

Но гнев остался.

Я — Бьорн Железный Бок. Тридцать два года, ростом выше всех во фьорде. Волосы цвета старой меди заплетены в косу, лицо в шрамах, нос ломан дважды. Глаза — как балтийский лёд: не видишь дна, знаешь только, что холодно. Тело в татуировках — вороны, топоры, волк Фенрир на левом предплечье. На рукояти топора вырезаны руны — моё имя и просьба к Тору не дать сгинуть в чужой земле. Я не верю в богов, но традицию чту.

Меня боятся. Иногда я сам себя боюсь. Остальное — неважно.

Но сегодня даже запах крови казался пресным. Сигурд испортил мне отличный налёт.

На берегу трое мужиков с вилами пытались защитить лодку. Я перехватил топор поудобнее. Первый получил обухом по ключице — хрустнуло сладко. Второй взмахнул вилами — я ушёл в сторону, сломал ему челюсть тыльной стороной ладони и толкнул в ещё тлеющий костёр. Он заорал. Третий побежал — мой воин догнал его и всадил копье в спину. Восемь ударов сердца — и всё.

— Хорош, конунг, — хмыкнул Харальд Кривая Рука.

— Не отвлекайся, — бросил я. — Жгите всё к хельхейму. А я пойду к грехам.

— Пощады не будет?

— Ты слышал слово «пощада» от меня когда-нибудь?

Харальд оскалился. Хороший пёс.

Я пошёл вверх по улице, которая ещё час назад была тихой славянской околицей. А теперь здесь пахло гарью, потом и медью.

Вот двое моих воинов выволакивают из избы молодку с младенцем. Она кричит, бьётся, царапается — без толку. Один берёт её прямо на крыльце, задрал юбку, пока второй держит. Ребёнка кидают в снег. Он не плачет — замёрз, наверное. Или уже всё равно.

Я прохожу мимо. Не останавливаюсь.

«Не сегодня, — думаю я. — Скучно. Бабы кричат одинаково во всех землях».

Вот дальше — двое над телом старухи. Один уже расстёгивает штаны. Другой смеётся. Старуха не шевелится — или мертва, или уже не в себе.

— Эй, — бросаю им на ходу. — Вы что, совсем охренели? Мёртвую? Зачем?

— А чего она, конунг? — ржёт один. — Тёплая ещё.

— Идиот. Найди живую.

Они переглядываются и уходят дальше. Я качаю головой.

«Боги, какой же скот. И я — их конунг. Позорище».

Вот это и есть ужас эпохи, о котором поют скальды. Никакой романтики. Грязь, кровь, и мужики, готовые надругаться над трупом. Тьфу.

Я поднимаюсь к храму — небольшой деревянной церкви, недавно срубленной, с грубо вытесанным крестом из неструганых досок.

Двери выбиты. Внутри пахнет ладаном и медью — кровь слуг смешалась с воском. Мои люди уже поработали тут — двое стоят над телами. Один старик в чёрном затих у алтаря, залитый кровью.

— Конунг! — рыжий Ульф оборачивается. — Тут бабы, за стенкой. Плачут.

— Вытащи.

Он пнул резную дверь. Та слетела с петель.

Часть вторая. Милана

Воспоминание в трюме (позже).

...Моё имя Милана, дочь Иоанна. Он был не просто псаломщиком — он умел читать и писать, переписывал книги, составлял молитвенники. Мать умерла, когда мне было десять: бревно при строительстве часовни раздавило её насмерть. Отец учил меня грамоте. Я знала несколько языков. Умела считать. Говорил: слово порой крепче стали, потому что слово живёт века, а меч ржавеет за десять лет.

Я не умела драться. Я умела молиться.

Когда пришли слухи о полуночных зверях, отец не поверил: «Бог не попустит».

Бог попустил.

Я бежала босиком по траве к церкви, слыша сзади его крик: «Господи, прими...» Потом тишина.

В церкви уже прятались женщины — жена кузнеца с младенцем, старая Анфиса, молодая Настя. Забились в ризницу. Пахло ладаном и ужасом.

«Слово сильнее стали. А что делать, когда сталь уже занесена?»

Я взяла тяжёлое распятие. Настя прошептала: «Ты что, Милана?»

— Я не хочу умирать как безропотная овца.

Дверь разлетелась в щепки.

Часть третья. Бьорн. Продолжение.

Из ризницы вывалился комок юбок и крика. Три женщины. Две старые, одна молодая — не та. Молодая повизгивала, прижимая к груди образок.

— Это всё? — спросил я.

— Больше нет, конунг.

Старуха — та, что постарше — упала на колени и принялась целовать мои сапоги. Отвращение подкатило к горлу. Я отшвырнул её ногой, она ударилась головой о скамью и затихла.

— Обыщите алтарь. Образки — на дрова, золото — на корабль.

Я пошёл дальше, в глубь храма. Шорох. Тень за алтарём.

— Выходи. Я сегодня добрый. Умрёшь быстро.

Тишина.

— Если заставлю искать — сначала отрежу пальцы.

Занавесь дрогнула. Из-под неё вышла она.

Девчонка. Лет восемнадцати, не больше. Русые волосы растрёпаны, на щеке грязь, губы закусены до крови.

В руке — тяжёлая церковная железка.

Она держала её как дубину. В глазах — слёзы. Но не страх. Ярость. Холодная, обжигающая.

Она смотрела на меня, и я понял: эта будет биться.

— Ты что, хочешь убить меня церковной железкой? Забавно.

— Таких я обычно продаю в Миклагард — там любят понарошку жестоких.

— Зачем сопротивляться? Видишь, вон та баба лижет мне сапоги.

— Ты убил моего отца, — сказала она.

— Который из них — старик в рясе?

— Он не старик. Он — отец Иоанн.

— А, тот, что пытался благословить мой топор. — Я запнулся. — Топор не понял. Обиделся.

— Ублюдок.

Я засмеялся. Впервые с той ночи, когда Сигурд подсунул мне отравленный мёд.

— Гнида, — добавила она.

— Вы все так похожи, — я сделал шаг. — Сначала проклинаете, потом просите пощады.

— Не дождёшься.

Она занесла распятие.

Часть четвёртая. Кровь на палубе

Удар! — я перехватил на лету, дёрнул на себя. Она не отпустила. Вцепилась в бронзу мёртвой хваткой.

— Отпусти!

— Пошёл ты!

Она попыталась укусить меня за руку. Я отдёрнул, усмехаясь.

— Сумасшедшая! — рывкнул я, выкручивая ей запястье. — Сломаю руку.

— Сломай, — прошипела она. — Всё равно тебе не уйти от возмездия.

Я замер.

— Что?

— Бог покарает тебя. Может, не сейчас, но настигнет. Или ты думаешь, от судьбы можно уплыть?

Я отпустил распятие. Она отшатнулась, ударилась о стену.

— Как тебя зовут?

— Милана.

— Запомню.

Я вырвал у неё железку, швырнул в угол.

— Ульф! Эта — моя. На «Змея», к моей скамье. Если тронешь — вырву яйца и скормлю чайкам.

Милана. Трюм.

Драккар пах рыбой, кровью и потом. Меня бросили в трюм — темнота, вонь, мокрое дерево. Старуху Анфису воины забрали сразу. Настю я слышала потом — она кричала долго.

Рядом, в темноте, кто-то молился на незнакомом языке. Потом молитва оборвалась всхлипом, и хриплый голос воина сказал: «Следующая».

Потом пришли Ульф и двое.

— Конунг сказал не трогать?

— Сказал — к его скамье. А пока мы плывём — она наша. Один разок можно.

Ульф схватил меня за волосы.

Я ударила его осколком — тем, что спрятала в рукаве ещё в храме. Полоснула по пальцам — он заорал, отпустил.

— Сука!

Удар по лицу, пинок в живот, ещё удар — они били ногами по рёбрам, по спине, по голове. Я свернулась клубком.

— Вяжите её, — рявкнул Ульф.

Связали и бросили.

Ночью я разгрызла верёвку. Зубами — до крови дёсен.

Вокруг спали воины. Храпели как медведи.

Я подползла к рыжему детине. Его нож лежал рядом. Я взяла нож. Он проснулся.

— Ты...

Я перерезала ему горло. Кровь хлынула на руки. Его глаза остекленели.

«Как резать барана. Отец учил резать барана».

— Стоять! — заорали.

Я рванула к борту, но чья-то рука — огромная, в татуировках — схватила меня за шиворот и швырнула на палубу.

Бьорн. Стоял надо мной, освещённый луной. Без рубахи, с топором на поясе.

— Живучая, — сказал он. — Идиотка. За это я должен привязать тебя к веслу.

— Убей или отпусти.

Он подхватил меня за шкуру, подтащил к своей скамье. Схватил кожаный ремень с железной пряжкой.

— Не убью и не отпущу. — Он затянул ремень туго. — Ты теперь моя. Будешь спать у моих ног. Будешь есть, когда я разрешу. Если дерзнёшь — сломаю пальцы.

— Твои пальцы сломаются быстрее.

Он усмехнулся.

— Я проклиная тебя, — продолжила я, глядя в его холодные глаза. — Твой род. Пусть твои дети умрут в утробах жён. Пусть воины предадут тебя...

— Ха! — он запрокинул голову и расхохотался. — Слышите? Девка с церковной железкой проклиная меня!

Никто не засмеялся. Смотрели на мёртвое тело. На меня, задыхающуюся на ремне.

Я понизила голос.

— Ты умрёшь в собственной постели. Умрёшь, когда сам попросишь пощады. Это не проклятие. Обещание.

Бьорн наклонился ко мне.

— Посмотрим, — прошептал он. — Ты опасна. Я это люблю. А пока, Милана, спокойной ночи.

Он выпрямился, зевнул и рухнул на лавку.

— Спать, Милана. Завтра попробуем друг друга на зуб снова.

— Я не сплю с врагами рядом.

— А придётся. Я храплю. И если пихнёшь — укушу.

Через несколько ударов сердца его дыхание стало ровным.

Бьорн

Я лёг, закрыл глаза. Но сон не шёл. В голове крутилось её лицо — злое, мокрое от слёз, но не сломленное. «Ты умрёшь, Бьорн», — сказала она. И я вдруг понял: она не врёт. Она дерётся до конца. Как я сам в молодости.

«Почему это меня так заводит?» — подумал я. И уже не представлял её мёртвой. Это было опасно, но я ничего не мог с собой поделать.

Милана

Я сидела на мокрых досках, прижав колени к груди. «Он не отдал меня Ульффу. Значит, бережёт для чего-то более мерзкого. Или... не мерзкого? Не надо, Милана, не думай так». Цепи можно разорвать. А эту мысль — нет.

Утро принесло зарево над сгоревшей деревней и новый день в ремнях. Я сжала кулаки. Клятва отцу ещё была со мной. Но где-то глубоко, там, где боль пульсировала в такт волнам, клятва звучала всё тише. И это было страшнее всего.

А где-то в ночи, на другом конце фьорда, человек со скользкой улыбкой гладил свой нож и думал о том, что у его племянника появилась слабость. Имя этой слабости — Милана.

Глава 2. Фьорд, полный змей

Часть первая. Длинный дом

Бьорн

«Морской Змей» вошёл в фьорд на рассвете третьего дня.

Вода здесь была тёмной, почти чёрной, пахла солью и рыбой. По берегам тянулись утёсы, в щелях которых копился снег. А там, впереди, над крышами длинных домов поднимался дым — мой дом.

Соль оседала на губах, снег скрипел под ногами. Я стоял на корме и смотрел, как приближается моя жизнь. Жена, дети, очаг, люди. И верёвка на шее той, что сидела у моих ног.

Милана молчала всю дорогу. Только смотрела на воду пустыми глазами. Я думал, она сломалась. Но когда Ульф бросил ей кусок хлеба, она съела его медленно, аккуратно, не поднимая глаз.

«Интересно, что у тебя в голове?» — подумал я. И тут она подняла взгляд. Прямо на меня. В серых глазах — лёд и угли. Никакой сломленности.

«Не расслабляйся, Бьорн. Она ещё укусит».

— Поднимайте парус! Пусть видят, что конунг вернулся с добычей.

Драккар закрипел, входя в причал. На берегу толпились люди. Я искал среди них одну.

Вот она. Гуннхильд. Моя жена стояла на пирсе, сложив руки на груди. Длинные чёрные волосы распущены — знак вызова. Она всегда носила их так, когда хотела показать, что она не просто баба, а сеид. На лицо её было страшно смотреть: жёсткие скулы, тонкие губы, глаза походили на болото, в котором утонула не одна душа.

Ей было тридцать зим. Когда мы женились, её называли красивой. Теперь она походила на старое дерево — корявое, крепкое, с пустотой внутри.

Рядом с ней стояли двое наших сыновей — мальчишки семи и пяти лет.

Я спрыгнул на причал первым. Гуннхильд не двинулась.

— С победой, конунг.

— С добычей. Будет пир.

— Я вижу.

Она смотрела не на меня. На драккар, на воинов, на Милану, которую Ульф тащил за ремень.

Гуннхильд склонила голову.

— А это что?

— Моя личная рабыня. Будет чесать мне спину и спать у моих ног.

— У твоих ног сплю я.

— Ты спишь в своей постели. С тех пор как родила мне второго, ты спишь отдельно.

Она замолчала. Но её болотные глаза смотрели на Милану с такой ненавистью, что я почти физически ощутил её.

«Началось», — подумал я.

Часть вторая. Камень на шее

Милана

Длинный дом пах дымом, шкурами и чем-то кислым — квашеной рыбой или мочой. Я стояла с ремнём на шее, чувствуя сотни глаз.

Женщины в шерстяных платьях шептались. Мужчины у очага пили из рогов. Дети тыкали пальцами.

Он — Бьорн — сидел в высоком кресле. На спинке были вырезаны руны — *Thor vigi* (Тор защити). Справа стоял рыжий пёс Ульф. Слева — пустое место. Напротив восседала его жена.

— Подойди, — бросил Бьорн.

Ульф толкнул меня в спину. Я шагнула, споткнулась и упала на колени.

— Привыкай, — усмехнулся он. — Здесь все на коленях перед конунгом.

— Не все, — сказала я, поднимаясь. — Некоторые умирают стоя.

Гуннхильд повернулась к Бьорну:

— Отдай её псарям. Я давно не видела, как собаки рвут человеческое мясо.

— Нет.

— Я не спрашиваю, я советую.

— А я не принимаю советов.

Гуннхильд встала.

— Ты привёз в мой дом чужую бабу. Хочешь опозорить меня?

— Я хочу, чтобы ты заткнулась. Я конунг. Это мой дом. Моя рабыня. Моя спина, которую она будет чесать. Всё поняла?

Она сжала губы и вышла.

Я стояла посреди зала и вдруг почувствовала: он не отдал меня ей. Не из жалости — из упрямства. Но всё равно не отдал.

«Не смей думать о нём хорошо. Он убил твоего отца». Но где-то глубоко шевельнулось что-то чужое. Не надо.

Часть третья. Ласковый волк

Бьорн

Пир начался. Воины пили, орали песни, хватали пленных девок. Перед пиром принесли жертву Тору — зарезали козла, окропили кровью алтарные камни. Я смотрел на всё это и чувствовал пустоту.

Женщины пекли лепёшки, дети играли костяными фигурками. И вдруг я поймал себя на мысли, что хочу, чтобы Милана была частью этой жизни. Не рабыней — частью. Словно удар под дых.

Сигурд не пришёл встречать. «Больной», — передали его люди. Больной. Я знал эту болезнь — трусость.

Милана сидела у моих ног. Я кинул ей кусок мяса. Она спрятала в рукав.

— Зачем прячешь? На завтра оставляешь?

— Думаю, что ты завтра можешь сдохнуть.

— И то верно.

Я вдруг заметил: в грязи на её щеке проступил розовый след — кожа. И под слоем копоти угадывалась линия скулы. Тонкая, как край лезвия.

«Она красивая. Даже сейчас, в рванье и с разбитой губой». Я тут же выругал себя: «Бьорн, ты совсем сдурел. Она — рабыня. Хочет всадить тебе нож. А ты разглядываешь скулы».

Я отвернулся и налил себе ещё мёда.

В этот момент подвыпивший воин, Эйнар по прозвищу Косой, потянулся к Милане. Схватил её за волосы.

— А ну покажи, какая ты дерзкая на зуб?

Я схватил его за запястье и сжал. Хрустнуло.

— Отвали, моя.

Воины заржали, но негромко. Поняли.

Милана смотрела на меня с недоумением.

— Не смотри так. Ты — моя собственность. А собственность не имеет прошлого.

— Ты сам меня трогаешь без спроса.

— Я — хозяин. Мне можно.

В этот момент дверь отворилась, и внутрь вошёл он. Сигурд. Дядя. Красивый, светлые волосы, голубые глаза с прищуром. Борода короткая, ухоженная — он любил подражать южным ярлам.

— Племянник, я слышал, ты вернулся с победой.

— Ты слышал, что я вернулся, Сигурд. А что не вышел встречать, я списал на твою немошь.

— Немошь души. Я так скучал по тебе, что не мог показаться на люди.

Он прошёл мимо воинов и остановился перед моим креслом.

— А это кто? — его взгляд упал на Милану.

Она смотрела на него снизу вверх — в её глазах вспыхнуло узнавание: «ещё один зверь».

Сигурд наклонился и взял её за подбородок. Пальцы холодные, сухие, пахли миррой и ладаном.

— Какой ценный экземпляр. Глаза злые. Такие долго не живут или живут очень долго и дорого стоят. Береги её, племянник. Пока я сам не забрал.

Он улыбнулся и пошёл к столу.

Я смотрел на Милану. Она сидела не шевелясь, только мускул на шее дёргался.

— Не бойся его. Он умирает тяжело, но быстро.

— А ты? Ты тоже умираешь быстро?

Я не ответил. — Ешь мясо. Завтрашний день будет ещё тяжелее.

Часть четвёртая. Медный перстень

Милана

Ночью, когда пир утих, я сидела у его ног и не могла уснуть.

Ремень резал кожу. Я сжала кулак и нащупала под платьем твёрдый бугорок. Перстень. Медный, с выцарапанным узором, похожим на крест. Алексей подарил его перед именинами. «Потерпи, — сказал он. — Дождусь урожая, приду к твоему отцу, посватаюсь».

Он был плотником, Алеша. Мы целовались за церковью после вечерней службы.

Я так и не узнала, жив ли он.

— Что там у тебя? — раздался голос Бьорна.

Я вздрогнула. Он не спал.

— Ничего.

— Врёшь. Покажи.

Он наклонился и рывком разорвал ворот платья. Увидел перстень, сорвал.

— Отдай! — крикнула я, ударив его кулаком в плечо. Бесполезно.

— Чей? — спросил он, вертя медяшку.

— Мой. Подарок.

— От кого?

— От человека, который любил меня.

Он замер. В темноте его лицо было почти не видно.

— Жених?

Я не ответила.

— Где он?

— Не знаю. Надеюсь, жив.

Бьорн встал, вышел наружу. Я слышала плеск воды. Через несколько секунд он вернулся с пустыми руками.

— Ты выбросил его?

— Я конунг. Ты — моя вещь. Вещи не помнят прошлого. Поняла?

— Ты не имеешь права!

— Имею. Я взял тебя в набеге. Ты — моя рабыня.

Он лёг на лавку, повернувшись ко мне спиной.

А я сидела на мокрой земле, в разорванном платье, чувствуя, как рвётся что-то внутри. Не от страха — от злости и боли. Перстень был последней нитью к моей жизни. К Алеше. К тому, что я была не просто рабыней, а человеком, которого кто-то любил.

«Алексей, прости. Я не сберегла твой подарок».

— Бьорн, я всё равно тебя убью.

— Понял, — сказал он в темноту. — Спокойной ночи. И тише: твой жених, если жив, не полезет за тобой. Потому что я убью и его.

Я закусила губу до крови.

Бьорн

Я лежал и слышал, как она всхлипывает. В груди саднило. Я только что убил не человека — память. «Ты становишься немощным, Бьорн», — сказал я себе. Но голос внутри звучал неуверенно. Почему мне не всё равно? Она — рабыня, враг, а я ревную её к какому-то плотнику.

Милана

За окнами шумел фьорд. Где-то спал Сигурд и думал, как забрать меня себе. Где-то бродил Алексей. А я сидела у ног конунга и чувствовала, как внутри растёт ненависть. И ещё кое-что. Там, где кончалась ненависть, начиналась пустота. И в ней зарождалось что-то тёмное, липкое, совсем не похожее на страх. Она чувствовала это. И, кажется, он тоже. Но хуже всего было то, что она не хотела, чтобы оно исчезало.

А за окном, в снегу, стояла Гуннхильд и улыбалась. «Ты не знаешь, что он делает с теми, кто становится ему дорог», — прошептала она ветру. Никто не услышал.

Глава 3. Прикосновение господина

Часть первая. Мытьё ног

Милана

Первая неделя во фьорде стала чередой унижений, которые я считала — по ударам сердца, по комьям грязи, по бессонным ночам.

Бьорн не бил меня. Он делал хуже.

— Принеси воды, — приказал он на второй день. — Ледяной. Из фьорда.

Я принесла. Деревянное ведро оттягивало руку, ледяная вода обжигала пальцы. Он сидел на скамье, обнажив ноги — мускулистые, в шрамах, с налипшей грязью.

— Мой.

Я смотрела на его ступни — грубые, как корни деревьев. На грязь, запёкшуюся под ногтями.

— Я сказал — мой, — повторил он, не повышая голоса.

Рядом замерли несколько воинов. Ульф усмехался. Женщины у очага смотрели с любопытством.

Я опустила на колени. Окунула тряпку в ледяную воду, сжала челюсти. Коснулась его ступни.

Кожа была шершавой, холодной. Я тёрла, чувствуя, как грязная вода стекает мне на руки, капает на платье, холодит живот.

— Сильнее, — сказал он. — Это тебе не картинки ваши протирать.

Я стиснула зубы. В голове зазвучал голос отца: «Гордыня — грех, Милана. Смирение — добродетель».

Отец никогда не мыл ноги язычникам. И умер, благословляя топор этого человека.

— Довольно, — Бьорн выдернул ногу. — Следующую.

Закончив, я поднялась. Вода хлюпала в башмаках.

— Убирайся к очагу, — бросил он.

Я ушла.

На третий день он заставил меня спать на голых камнях. Ни шкуры, ни плаща. Камни впивались в лопатки острыми краями. Я лежала, подложив руки, и чувствовала, как холод вытягивает тепло.

«Это не страшно, — говорила я себе. — Тело привыкнет».

Привыкло не сразу.

На пятый день я осмелилась взять овечью шкуру, когда он ушёл на тинг. Гуннхильд увидела.

— Ты что делаешь, рабыня?

— Беру шкуру. Мне холодно.

— Холодно? — она шагнула ко мне. — Я покажу тебе холод.

Она ударила меня по лицу — наотмашь, тяжёлой ладонью с кольцами. Я упала. Потом схватила плетёную верёвку — она свистела в воздухе, прежде чем впиться в спину раз, другой, третий.

Я не закричала. Свернулась клубком.

— Тварь, — прошипела она, бросая верёвку. — Помни своё место.

Она ушла. А я лежала, чувствуя, как спина горит, и впервые позволила себе тихо застонать.

«Где ты, Алеша? — подумала я. — Где тот, кто обещал построить дом, в котором я буду в безопасности?»

Тишина была ответом.

Часть вторая. История Гуннхильд

Бьорн

Я вернулся затемно. Милана лежала у очага лицом вниз. Платье на спине разодрано, сквозь прорехи — багровые полосы.

— Кто? — спросил я Ульфа.

— Твоя жена, — ответил он. — Та ещё змея.

Я подошёл. Она не спала.

— Покажи спину.

— Поди прочь.

Я дёрнул её за плечо, переворачивая. Она охнула, но не вскрикнула.

Спина была исполосована. Не глубоко — Гуннхильд хотела унизить. Крови много, запеклась.

«Как скот избил», — подумал я. И вдруг почувствовал злость. На жену.

— Что уставился? — прошипела Милана. — Мало тебе?

— Лежи.

Я пошёл к сундуку за шкурой и бурдюком с жиром.

Милана

Он вернулся с оленьей шкурой, чистой тряпицей и чем-то тёмным в роге.

— Раздевайся.

— Что? — я попятилась.

— Раны промыть. Загноятся — умрёшь.

— Тебе нужна моя спина, не я.

— Спорить будешь потом? — он наклонился и рывком разорвал рубаху от ворота до пояса.

Я вскрикнула — от боли, от стыда. Грудь моя была открыта ему.

Он не смотрел на грудь. Смотрел на спину.

— Терпи.

Настой из горького зелья обжёг раны. Я закусила губу. Он промывал каждую полосу медленно.

— Гуннхильд тоже была рабыней, — сказал он вдруг. — Давно.

Я молчала.

— Её захватили в набеге на фризских землях. Ей было четырнадцать. Первый хозяин отдал её своим воинам на забаву. Десятеро за одну ночь.

Я слушала, забыв о боли.

— Я купил её на торгу через год. Не ради неё — ради её дара. Она уже тогда видела руны.

— Ты купил её как рабыню, — сказала я.

— Да. Только она была сломлена. Не дралась, не кусалась. Лежала и смотрела в стену. Я кормил её с рук. И однажды она сказала: «Сделай меня своей женой. Я рожу тебе сыновей».

— И ты сделал.

— Потому что мне нужны были наследники. А она была удобной. Не требовала любви. Он налил жир на раны — тёплый, густой. Я вздрогнула.

— Она влюбилась в тебя, — сказала я. — За то, что ты её выкупил.

— Я не был милосерден. Я был расчётлив. А она не знала разницы. Её никогда не брали без боли. А я не бил её. Для неё это было любовью.

— А для тебя?

— Для меня женщина была или добычей, или сосудом. Я не знал, что бывает иначе. До последнего времени.

Он накинуд на меня шкуру. Прикосновение его пальцев было почти нежным — и от этого мне стало страшнее.

— Почему ты рассказываешь мне это?

— Чтобы ты поняла. Гуннхильд ненавидит тебя не потому, что ты молода или красива. А потому, что я с тобой не такой, как с ней.

Он отошёл к своей лавке, лёг, отвернулся.

А я сидела в шкуре и впервые не могла отличить ненависть от чего-то другого.

Часть третья. Ночь

Бьорн

Я не спал. Слушал, как она возится у очага.

«Что ты делаешь? Рассказываешь рабыне историю своей жены. Лечишь ей спину».

Я не хотел додумывать. Но тело помнило, как её кожа нагрелась под пальцами, как пахли волосы.

«Она сильная. Упрямая. Не как Гуннхильд».

Это привлекало меня. И было опасно.

«Бьорн Железный Бок — и вдруг смягчился. Хорошо, что скальды не слышат».

Я перевернулся.

Но сквозь сон услышал, как она подошла.

Я приоткрыл глаз.

Она стояла надо мной, закутанная в шкуру. Лицо в тени, но глаза в темноте отражали отсветы углей — два холодных огонька.

— Чего тебе?

— Ничего. Просто хочу посмотреть, как спит человек, который убил моего отца.

— Нравится?

— Не знаю. Ты не похож на монстра из моих сказок.

— В сказках монстры проигрывают. В жизни — не всегда.

Она ушла.

А я лежал и чувствовал, как под рёбрами ворочалось тяжёлое.

«Проклятье. Она правда красивая».

Часть четвёртая. Звериная нежность

Милана

На восьмую ночь я не выдержала.

Ремень на шее, камни под спиной — всё смешалось в тугую пружину. Я подошла к его лавке, дёрнула за край плаща.

— Проснись.

Он проснулся мгновенно.

— Я не хочу спать у очага. Я хочу спать на твоей лавке.

— С ума сошла?

— Ты сказал, что я — твоя вещь. Хозяин не даёт своей вещи гнить заживо.

Он сел. Лицо застыло, как маска из дубовой коры.

— Ты ослушиваешься?

— Я прошу справедливости.

Он схватил меня за волосы, рванул вверх. Я зажмурилась, ожидая удара.

Но удара не было.

Вместо этого он прижал мою голову к своей груди. К голой, горячей. Я слышала, как бьётся его сердце — тяжело, как кузнечный молот.

— Ты боишься не меня, — сказал он тихо. Голос дрогнул. — Ты боишься, что я могу быть не чудовищем. Бойся этого.

Я не двигалась. Его пальцы перебирали мои волосы — грубо, но бережно.

— Что ты делаешь? — прошептала я.

— Не знаю. И это пугает меня больше любого врага.

Он отпустил меня, оттолкнул на лавку.

— Спи здесь. Не смей трогать меня.

— Зачем тебе это?

— Не знаю. Может, во мне что-то сломалось. Или впервые встало на место.

Я лежала рядом — впервые не на камнях. Слышала его дыхание.

«Он мог бы меня убить. Или изнасиловать. Но он промыл раны. Рассказал про Гуннхильд. Позволил лечь рядом».

Где-то бродил Алексей. Где-то спала Гуннхильд.

А я лежала рядом с убийцей моего отца и чувствовала, как внутри растекается что-то тёплое, липкое, не похожее на злость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.